

МОЖЕТ ЛИ «ПРАВО НА СМЕРТЬ» СТАТЬ ГРАЖДАНСКИМ ДОЛГОМ?

Диакон Георгий Сафоклов

Кандидат юридических наук (Dr. iur.);

старший научный сотрудник Университета г. Хаген

(FernUniversität in Hagen) (ФПГ)

jurisafoklov@yandex.com

DOI: 10.55398/27826066_2022_4_153

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы развития «права на смерть», признаваемого научным сообществом западных стран. Данное право возводится к наивысшей конституционной ценности — гарантии человеческого достоинства. Однако интегрирование «права на смерть» в государственно-правовую сферу может повлечь за собой коллизию с общественным благом — категорией, определяющей всю деятельность государства. Возникает вопрос о возможности «эволюции» «права на смерть» до уровня гражданской повинности и принесения человеческого достоинства в жертву интересам общественного блага.

Ключевые слова: «право на смерть», человеческое достоинство, право на личностное самоопределение, общественное благо, государство.

Для цитирования: Сафоклов Георгий, диакон. Может ли «право на смерть» стать гражданским долгом? // Сретенское слово. Москва : Изд-во Сретенской духовной академии, 2022. № 4. С. 153–169. DOI: 10.55398/27826066_2022_4_153

CAN THE «RIGHT TO DIE» BECOME A CIVIC DUTY?

Deacon George Safoklov

Dr. Jur.

FernUniversität in Hagen (Germany)

jurisafoklov@yandex.com

DOI: 10.55398/27826066_2022_4_153

Abstract. The article deals with the development of the “right to die”, which is recognized by the Western scientific community. This right is connected to the highest constitutional value — the human dignity. Thus, the integration of the “right to die” into the sphere of state and law may cause a collision with the common good — the category which defines all actions of the state. Therefore, the probability that the “right to die” “evolves” to a civil duty causing the human dignity to be sacrificed for the interests of the common good needs a thorough examination.

Keywords: “the right to death”, human dignity, the right to personal self-determination, the public good, the state.

For citation: *Safoklov, George, deacon.* Can the “right to die” become a civic duty? // *Sretensky Word.* Moscow : Sretensky Theological Academy Publ., 2022. No. 4. Pp. 153–169. DOI: 10.55398/27826066_2022_4_153

I. Введение

Комплекс разнообразных вопросов, теорий и предположений, связанных с проблематикой «права на смерть», рассматривается по преимуществу в философско-богословском и юридическом измерениях. Феномен смерти, ее генезис и телеологическая направленность, отношение человека к смерти вообще и собственной смерти в частности — стали предметом внимания исследователей уже на ранней стадии развития философско-богословской мысли. Тема добровольного ухода из жизни, морально-этической допустимости самоубийства и отношения

к суициду общества и государства¹ достаточно быстро «влилась» в этот масштабный дискурс и по сей день занимает в нем одну из центральных позиций.

Вместе с тем сама формулировка «право на смерть» естественным образом предполагает в дискуссии и наличие юридической компоненты. Однако корпус юридического наследия, относящийся к данной области, несравним с объемом трудов, оставленных представителями философии и богословия. В исторической перспективе еще буквально «вчера» безраздельно царствовала идея об абсолютной недопустимости самоубийства граждан государства, уходящая своими корнями в общественно-политический идеал Платона [Платон 1970. Т. 2: 18; 1972. Т. 3: 363]. Свидетельством данному утверждению может служить тот факт, что в большинстве западных стран суицид считался асоциальным и уголовно наказуемым деянием вплоть до XIX в.² Однако в настоящий момент в западных странах признание права человека окончить собственную жизнь является всеобщим [McLaughlin 2007: 24]. Таким образом, кардинальный поворот общественного и юридического сознания, сопровождающийся отказом от многовековой традиции, совершился всего за несколько десятилетий. В этой связи необходимо отметить, что при ближайшем рассмотрении данный процесс представляет собой логическое завершение парадигмальных изменений в интерпретации таких основополагающих понятий, как личность, человеческое достоинство и свобода. Процесс признания «права на смерть» имел своим следствием и сокращение дистанции между государством и человеком, желающим лишиться себя жизни; возможно констатировать растущее вовлечение государственных органов в осуществление желания граждан окончить свою жизнь.

¹ Ср.: *Аристотель*. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения. Т. 4. / под общ. ред. А. И. Доватура. М., 1984. С. 111, 169; *Луций Анней Сенека*. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. С. 127, 131.

² Ср.: *Paperno I. Suicide As a Cultural Institution in Dostoyevsky's Russia*, Ithaca/London, 1997. P. 60; в Великобритании криминализация самоубийства была отменена лишь в 1961 г. (Suicide Act 1961 (9 & 10 Eliz 2. P. 60), а в отдельных штатах США попытки самоубийства при определенных обстоятельствах до сих пор могут повлечь за собой уголовное наказание (*McLaughlin C. Suicide-Related Behaviour. Understanding, Caring and Therapeutic Responses*. Chichester, 2007. P. 24).

II. Методологические уточнения

Настоящее исследование проводится на основании правоприменительной практики Конституционного Суда Федеративной Республики Германия (КС ФРГ), Высшего Административного Суда Федеративной Республики Германия (ВАС ФРГ) и Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). Выбор данной сферы рассмотрения определен тем обстоятельством, что немецкая правовая система в общем и конституционно-административное правосудие ФРГ в частности оказывают значительное влияние на мировую юриспруденцию³. Что же касается европейского юридического пространства, то здесь немецкие суды являются своего рода «законодателями мод», определяя тенденции развития правосудия и подходы к решению самых разнообразных вопросов за счет структурированного рассмотрения дел и подробной аргументации решений.

В свою очередь контуры и содержание правовой системы Российской Федерации формировались при определяющем влиянии идей западной юриспруденции, а также непосредственном участии советников из стран Запада. Влияние американского, британского, немецкого, французского, итальянского конституционализма на Конституцию Российской Федерации — закон, обладающий наивысшей юридической силой, — четко прослеживается на основании материалов Конституционной комиссии, осуществлявшей свою деятельность по подготовке Российской Конституции в 1990–1993 гг. [Румянцев 2007–2010]. Кроме того, сравнительный анализ конституционных текстов открывает содержательные заимствования Конституции РФ из конституций западных стран⁴. Конституционный Суд Российской Федерации также заимствовал формулировки, правовые подходы и модели из практики западного конституционного правосудия⁵.

³ Ср., напр.: *Kitagawa Z. The Identity of German and Japanese Civil Law in Comparative Perspectives* / Ed. K. Riesenhuber. Berlin; Boston, 2007.

⁴ Напр.: ч. 1 ст. 20 Конституции РФ и ч. 2 ст. 2 Основного Закона ФРГ (право на жизнь); ч. 2 ст. 80 Конституции РФ и ч. 1 ст. 5 Конституции Франции (Президент как гарант Конституции); ч. 2 ст. 22 и 5-я поправка к Конституции США (арест и заключение под стражу только по решению суда).

⁵ Ср.: Информация Конституционного Суда РФ от 19 октября 2021 г. Методологические аспекты конституционного контроля. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402879492/#1117> (дата обращения: 21.10.2022).

Наконец, Россия включена в систему международного права через членство в различных международных организациях (ВТО, ВОЗ, ЮНЕСКО и многие другие). И хотя ввиду последних событий на Украине вырисовываются тенденции к разрыву с юридической традицией Запада, формирование самостоятельной теоретической базы потребует длительного времени. Это значит, что российское право еще достаточно долго будет зависеть от воспринятых с Запада юридических образцов и воспроизводить, хотя и в, возможно, модифицированной форме, решения, сформулированные в западной правовой сфере. Данный вывод касается и развития дискуссии о «праве на смерть».

III. «Право на смерть» в правоприменительной практике КС и ВАС ФРГ

Уже в одном из своих самых ранних решений КС ФРГ определил человеческую жизнь как «основу антропоцентричного миропорядка, закрепленного в Конституции ФРГ» [Entscheidungen des Bundesverfassungsgerichts (BVerfGE) 2, 1 (12)]. Тем самым жизнь обрела помимо лично-правового еще и общественно-государственное измерение, так как при таком понимании деятельность общественных организаций и государственных органов обретает вполне конкретное направление и поставляется в четко очерченные границы, содержательной максимой которых объявляется обязанность защищать и охранять жизнь. Впоследствии КС ФРГ несколько модифицировал и дополнил данную им же самой дефиницию, охарактеризовав жизнь как «материальную основу человеческого достоинства и необходимое условие всех прочих основных прав» [Ibid. 39, 1 (42)]. Таким образом, человеческая жизнь была поставлена в неразрывную связь с ч. 1 ст. 1 Основного Закона ФРГ (гарантия неприкосновенности человеческого достоинства), а само право на жизнь превратилось в базовую норму всех прав личности. Государству вменялось в обязанность охранять право на жизнь и защищать его от нарушений со стороны органов власти и третьих лиц [Ibid.].

Конституционно-правовая квалификация суицида была оформлена в решении 2020 г., предметом которого стал действующий в ФРГ уголовный запрет на рекламу услуг по уходу из жизни. Стоит подчеркнуть, что весь тематический комплекс «права на смерть», который играл в данном разби-

рательстве ключевую роль, рассматривался не в рамках конституционно-го права на жизнь (самоубийство как оборотная сторона или негативное измерение права на жизнь), но исключительно в контексте права на личностное самоопределение, выражением которого и было объявлено право человека распоряжаться собственным существованием. КС ФРГ установил, что решение о продолжении либо окончании собственной жизни представляет собой сущностный элемент человеческой идентичности и индивидуальности [Ibid. 153, 182: 210], а значит, является одной из видимых манифестаций человеческого достоинства. В силу абсолютного характера гарантии человеческого достоинства можно было сделать вывод (который, однако, не был явно сформулирован в тексте решения), согласно которому право человека окончить свою жизнь как выражение его неотъемлемого достоинства не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах и требует безусловного уважения со стороны всех участников правоотношений. Доводы КС ФРГ натолкнулись на вполне естественное возражение: как может признание права окончить собственную жизнь соответствовать гарантии человеческого достоинства, если разрушает его «материальную основу» — жизнь? Суд парировал данное вопрошание утверждением о том, что личностная автономия, вытекающая из гарантии человеческого достоинства, как раз и находит свое выражение в решении об окончании жизни. То есть решение об окончании жизни является активацией человеческого достоинства в конкретном случае, что полностью отвечает требованиям Конституции [Ibid.: 211]. Государственные органы должны уважать решение человека относительно собственной жизни и не имеют права препятствовать осуществлению суицидального замысла, если он не нарушает общественный порядок [Ibid.: 275]. По мнению КС ФРГ, лишая себя жизни, человек не только не отнимает у себя возможность осуществлять свои права и свободы, но, напротив, оканчивает свое физическое существование максимально полным использованием человеческого достоинства как главного из них.

В 2017 г. свое отношение к «праву на смерть» сформулировал ВАС ФРГ. В отличие от конституционного-правового процесса, его вердикт затрагивал непосредственно институт «права на смерть», так как истец требовал от государственных органов предоставить ему доступ к смертельно действующим препаратам для осуществления «комфортного» самоубийства. Предложенная в решении интерпретация суици-

да соответствовала мнению большинства юридического сообщества (а впоследствии и КС ФРГ): добровольный уход из жизни представляет собой деятельное использование права на личностное самоопределение, которое, в свою очередь, вытекает из гарантии человеческого достоинства [Entscheidungen des Bundesverwaltungsgerichts (BVerwGE) 158, 142 (152 f.)]. Однако по-настоящему революционной стала позиция ВАС ФРГ, согласно которой «право на смерть» налагает на государство определенный комплекс юридических обязательств по отношению к гражданину, желающему уйти из жизни. Суд постановил, что поскольку государство обязано максимально содействовать эффективной реализации прав человека [Воскобитова 2011: 78–86], в том числе и «права на смерть», то органы власти обязаны предоставить людям, желающим окончить свою жизнь, доступ к смертельно действующим препаратам. Отказ в удовлетворении заявки на предоставление доступа нарушает право человека на личностное самоопределение, а значит, и обязательство уважать человеческое достоинство [BVerwGE. 154]. При этом ВАС ФРГ уточнил, что поскольку использование «права на смерть» не предполагает наличия чрезвычайной жизненной ситуации (смертельной болезни, психических страданий, бедственного социального положения), то государство обязано способствовать осуществлению суицидального замысла без каких-либо дополнительных условий [Ibid.].

IV. «Право на смерть» в правоприменительной практике ЕСПЧ

Отправным пунктом правоприменительной практики Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) по проблеме «права на смерть» стала ч. 1 ст. 2 Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ), согласно которой государства-участники Конвенции обязаны законодательно обеспечивать защиту человеческой жизни. В этой связи перед ЕСПЧ несколько раз вставал вопрос о том, вытекает ли из этой статьи право индивидуума определять время окончания собственной жизни и как государствам-участникам следует относиться к подобным намерениям граждан.

Основа правоприменительной практики Суда была заложена в решении по делу Претти против Великобритании [Application no. 2346/02.

Pretty v. Great Britain. Judgement of 29 April 2001]. Оно касалось заявительницы, желающей уйти из жизни вследствие прогрессирующего бокового амиотрофического склероза. Муж пациентки изъявил готовность способствовать осуществлению желания своей супруги, однако опасался уголовной ответственности за пособничество убийству в соответствии с уголовным законодательством Великобритании. В ходе разбирательства ЕСПЧ постановил, что текст ч. 1 ст. 2 ЕКПЧ не гарантирует «права на смерть», но лишь охраняет и защищает человеческую жизнь, закрепляя обязанность органов власти создать надлежащие правовые механизмы на общегосударственном уровне [Pretty / Great Britain. Para 39]. Напротив, заявитель не может требовать содействия государственных органов по прекращению собственной жизни. Таким образом, уголовный запрет соучастия самоубийству был признан не противоречащим ЕКПЧ.

В решении по делу Хаас против Швейцарии [Application no. 31322/07. Haas v. Switzerland. Judgement of 20 January 2011] фактические обстоятельства несколько отличались, поскольку заявитель изъявил желание окончить свою жизнь не вследствие физических, но психических страданий (биполярное аффективное расстройство). После пребывания в нескольких лечебных учреждениях он принял решение прекратить собственную жизнь. Основным отличием данного решения от дела Претти против Великобритании стала смена перспективы рассмотрения, так как ЕСПЧ проводил анализ уже не в рамках ч. 1 ст. 2 ЕКПЧ, но на основании ст. 8 ЕКПЧ (право на уважение и защиту частной жизни). В этой связи необходимо отметить, что в правоприменительной практике ЕСПЧ понятие частной жизни толкуется расширительно и включает в себя различные аспекты физической и общественной идентификации, такие как определение половой принадлежности, сексуальной ориентации и половой жизни⁶. Следуя данному методу экстенсивной интерпретации, право на добровольный уход из жизни было квалифицировано как выражение личностной самореализации, которая также была объявлена одним из составляющих элементов ст. 8 ЕКПЧ [Haas v. Switzerland. Para 50–51]. Таким образом, ЕСПЧ выразил принципиальную готовность признать «право на смерть», которое

⁶ Ср.: Meyer-Ladewig J., Nettesheim M. Europäische Menschenrechtskonvention. // J. Meyer-Ladewig, M. Nettesheim, S. von Raumer (Hrsg.). 4. Auflage, 2017. Art. 8. Rn. 7.

включало бы в себя по крайней мере обязательство уважать реализацию желания уйти из жизни.

В решении по делу Ламберт и др. против Франции⁷ рассматривался вопрос о том, обязаны ли органы государственной власти принимать меры по сохранению жизни во всех возможных случаях, или же государственное обязательство по защите человеческой жизни может при определенных условиях прекращать свое действие. В конкретном случае речь шла о намерении лечащих врачей прекратить процедуру искусственного питания в отношении пациента, длительное время находящегося в коме и считавшегося «бесперспективным». ЕСПЧ сформулировал свою позицию на основании предпосылки о значительной мере усмотрения государственных органов при выполнении ими своих обязательств согласно ЕКПЧ. Так, в отношении сложных научных, юридических или этических проблем, касающихся вопроса окончания человеческой жизни, Конвенция не предписывает какого-либо единственно возможного решения, но допускает многообразие подходов, обусловленных культурными, общественными и этическими особенностями отдельных государств-участников [Lambert a. o. v. France. Para 144]. Суд установил отсутствие общеевропейского консенсуса по вопросу допустимости прекращения лечения и заключил, что каждое государство вправе как законодательно закрепить безусловную обязанность сохранять человеческую жизнь, так и отказаться от нее [Ibid. Para 147–148]⁸. Признавая право устанавливать определенные исключения в отношении обязательства охранять человеческую жизнь, ЕСПЧ по сути открыл путь к признанию «права на смерть», тем самым следуя в фарватере постановлений судебных органов стран Западной Европы (в частности, Германии). Это значит, что рано или поздно на повестке дня страсбургского Суда неизбежно возникнет вопрос о признании «права на смерть» и связанных с ним обязательствах органов государственной власти.

⁷ Application no. 46043/14. Lambert a. o. v. France, Judgement of 5 June 2015; об этом решении см.: Ковлер А. И. Право на жизнь и «автономия личности» // Международное правосудие. 2015. № 3 (15). С. 52–55.

⁸ Ср. также: Application no. 39793/17. Gard a. o. v. Great Britain. Judgement of 27 June 2017. Para 122–123.

V. «Право на смерть» и категория «общественного блага»

Признание обязанности государства содействовать лицам, желающим окончить свою жизнь, коренным образом изменило тот ракурс, в котором прежде рассматривалась проблематика «права на смерть». Индивидуальная перспектива, личностное вопрошание «быть или не быть» и государственная максима уважительно-нейтрального отношения к решениям граждан относительно собственной жизни сменились необходимостью балансировки личностного самовыражения через прекращение жизни с факторами политической целесообразности, государственной безопасности и общественной морали. В этой связи на первый план выходит ценность, лежащая в основе существования государства и определяющая содержание действия его органов, — общественное благо.

Категория общественного блага является одной из центральных тем государственно-политических трактатов, начиная с самого раннего периода истории философской мысли. Так, уже в «Государстве» Платона справедливость, гармония, умеренность [Платон 1971: 223–224], а также единство и общность граждан [Там же: 260–261; 1972: 212–213] объявляются высшими идеалами государственного устройства, стремление к которым вменяется в обязанность каждому члену общества. В «Никомаховой этике» Аристотеля термин «общественное благо» получает более узкое определение через его отождествление с благоденствованием всех граждан. Необходимо отметить, что данное определение понимается автором не просто как «сумма» индивидуальных благ, но как такое устройство государства, которое объединяет членов общества идеей сверхличностного, именно общественного блага [Аристотель 1984: 376, 379–380]. В «Сумме теологии» Фомы Аквинского общественное благо обретает христианскую основу через целеполагание духовного совершенствования и причастности Божественному блаженству путем взаимного общественного служения граждан [Фома Аквинский 2013. Ч. II–II. Вопр. 47–122]. В своем основополагающем трактате «Об общественном договоре» Ж.-Ж. Руссо характеризует общественное благо уже согласно с общественно-культурной средой эпохи Просвещения, называя его элементами такие секулярные ценности, как безопасность и благосостояние [Руссо 1938: 89–91]. В XX в. вопросы, связанные с институтом

общественного блага, рассматривались представителями «Критической теории» («Франкфуртская школа») в рамках общественно-политического дискурса о соотношении индивидуума и общества в условиях капиталистического государства⁹.

В настоящее время интерпретация понятия «общественное благо» следует скорее платоновской, нежели аристотелевской традиции. В качестве «ингредиентов» общественного блага называются различные абстрактные ценности и принципы («идеи»), такие как человеческое достоинство, права человека, демократия, правовое государство и пр.¹⁰ Казалось бы, индивидуум должен быть главным бенефициаром всех этих юридических гарантий, однако на самом деле он является таковым лишь опосредованно. Аксиологический дискурс характеризуется ярко выраженной общественной доминантой, в то время как отдельно взятому правообладателю отводится второстепенная роль. В первую очередь ценны постольку, поскольку защищают социум. Сами же права личности не имеют статуса самостоятельной величины, но представляют собой лишь дериват общественных ценностей. Таким образом, в случае столкновения индивидуальных ценностей и требований общественного блага *ceteris paribus* предпочтение будет отдаваться последним.

Нетрудно предположить, какую опасность заключает в себе данная ситуация в контексте проблематики «права на смерть». Уже сейчас можно констатировать, что отрицание самого существования этого права, точка зрения, которая, к слову, все еще разделяется значительной частью общественности стран Запада¹¹, практически полностью утратило всякую юридическую релевантность, так как в судебной системе и научной среде признание права добровольно окончить собственную жизнь практически никем не оспаривается. Такое положение подтверждает предложенный выше анализ правоприменительной практики судов ФРГ и ЕСПЧ.

⁹ Ср.: Rosa H. Der Irrtum der antagonistischen Sozialontologie. Zur kritischen Theorie demokratischer Resonanz; Cooke M. Nicht-autoritäre Autorität. Beitrag zu einer kritischen Theorie der Politik // U. Bohmann, P. Sörensen (Hrsg.). Kritische Theorie der Politik. Berlin, 2019. S. 213 ff.; 537 f.

¹⁰ Ср.: Finnis J. Human Rights and Common Good: Collected Essays. Vol. III. Oxford; New York, 2011.

¹¹ Ср.: <https://www.statista.com/statistics/225938/americans-moral-stance-towards-doctor-assisted-suicide>.

Разногласия сохраняются лишь по вопросу отношения государства к суицидальным замыслам своих граждан, точнее, по мере необходимого содействия осуществлению подобных стремлений.

Не имея возможности охватить все возможные сценарии, хотелось бы заострить внимание на одном из наиболее значительных аспектов обсуждения, а именно на вопросе о человеческом достоинстве. Вряд ли может быть подвергнуто сомнению утверждение о том, что человеческое достоинство исчезает одновременно с окончанием физического существования его носителя; сама возможность человеческого достоинства *post mortem*, т. е. в отсутствие человека, представляет собой противоречие в понятиях. Самоубийство приводит именно к ликвидации достоинства конкретного человека. Таким образом, юридическое толкование последствий суицида как «активации» человеческого достоинства представляет собой наглядный пример вышеописанной тенденции абстрактного, сверхиндивидуального понимания правовых ценностей и институтов. Только придерживаясь подобной позиции, можно усматривать утверждение человеческого достоинства в факте самоуничтожения его субъекта.

Говоря о государственном содействии личностной самореализации через самоубийство, необходимо помнить, что государственные органы пользуются определенной мерой усмотрения при определении общественного блага, формулируют оценочные критерии. В тот момент, когда гарантия человеческого достоинства через «право на смерть» вступает в государственную сферу (например, посредством подачи заявки на предоставление доступа к смертельно действующим препаратам), к ней также применяется оценочный подход. Таким образом, человеческое достоинство рассматривается уже как относительная величина, оно поставляется в соотношение с другими ценностями. Его абсолютная ценность релятивируется, оно признается неприкосновенным лишь до тех пор, пока превалирует над общественно-государственными интересами. Теоретически возможной становится ситуация, в которой требования общественного блага оттесняют человеческое достоинство на второй план, оно становится принципиально ограничиваемым. Носитель человеческого достоинства в этом случае обязан подчиниться решению государства во исполнение своего гражданского долга.

VI. Заключение

Результаты исследования, проведенного в настоящей статье, позволяют сделать несколько основополагающих выводов. Во-первых, «право на смерть» как юридически гарантированная возможность добровольно окончить собственную жизнь не ставится под сомнение ни в одной из стран западной правовой культуры. Во-вторых, основой этого права является не оборотная сторона права на жизнь, а право на личностное самоопределение, вытекающее из гарантии человеческого достоинства, которая, в свою очередь, является отправной точкой всех прочих прав человека. В-третьих, устойчивой тенденцией последних лет можно считать функциональную трансформацию «права на смерть» от исключения государственных вмешательств в принятие личного решения об окончании собственной жизни (защитно-пассивная функция) к закреплению обязательств органов государственной власти по содействию в осуществлении суицидальных замыслов граждан (кооперативно-активная функция).

Включение государства в процесс реализации «права на смерть» имеет своим неизбежным следствием установление соотношения между личными интересами граждан и общественно-государственными интересами. В рамках балансировки интересов права индивидуума могут быть ограничены доводами общественного блага, на достижение которого направлена деятельность государства. Такая альтернатива не исключает и ограничение гарантии человеческого достоинства, на которой зиждется «право на смерть». Более того, такое развитие событий представляется весьма вероятным, учитывая господствующую в западных странах тенденцию сверхиндивидуальной интерпретации прав человека. Таким образом, принесение человеческого достоинства в жертву интересам общественного блага является одним из вероятных вариантов развития юридического дискурса о «праве на смерть».

Из данного вывода следует, что выработка теоретически выверенного подхода к феномену смерти является одной из наиболее актуальных и в то же время сложных задач современного православного богословия¹².

¹² Об антропологии как ключевом вопросе православного богословия XXI в. см.: *Metropolitan Kallistos Ware. Orthodox Theology in the Twenty-First Century. Geneva, 2012. P. 23–28.*

Доминирование индивидуалистического воззрения на весь спектр человеческой деятельности и, как следствие, восприятие человеческой жизни как «собственности» конкретного индивидуума с возможностью распоряжаться ей по личному усмотрению должно было с логической необходимостью породить толкование смерти как одной из допустимых диспозиций «собственника» над своим имуществом. Богатое богословско-философское наследие Православия также подчеркивает высокую ценность человеческой жизни, но вместе с тем настаивает и на ее значительном общественно-социологическом статусе. Из данного смещения акцентов следует и принципиально иной подход к пониманию и отношению к смерти, которая рассматривается не как окончание физического существования и завершение «человеческого проекта» [Сартр 1990: 343], но как переход к новому этапу человеческой жизни в ходе постепенного приближения человечества к концу мироздания. Именно на стыке смены онтологического модуса и неизменности эсхатологического вектора и должно быть сформулировано то богословие смерти, которое и по своему содержанию, и по своей конечной цели должно стать богословием (утверждения) жизни.

Литература

- Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / под общ. ред. А. И. Доватура. Москва : Мысль, 1984.
- Воскобитова М. Р.* Позитивные обязательства государства как гарантия обеспечения прав человека и основных свобод // *Международное правосудие*. 2011. № 1. С. 78–86.
- Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): в 6 т. / общ. ред. О. Г. Румянцева. Москва : Wolters Kluwer, 2007–2010.
- Ковлер А. И.* Право на жизнь и «автономия личности» // *Международное правосудие*. 2015. № 3 (15). С. 52–55.
- Луций Анней Сенека*. Нравственные письма к Луцилию / ред. С. А. Ошерова. Москва : Наука, 1977.
- Платон*. Сочинения / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса.
– Федон. Т. 2. Москва : Мысль, 1970.
– Государство. Т. 3 (1). Москва : Мысль, 1971.

– Законы. Т. 3 (2). Москва : Мысль, 1972.

Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре. Москва : Государственное соци-ально-экономическое изд-во, 1938.

Ср. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм, А. Камю, Ж. П. Сартр. Сумерки богов / под общ. ред. А. А. Яковлева. М., 1990. С. 343.

Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. II–II (вопр. 47–122) / ред. С. И. Еремеева. Киев : Ника-Центр, 2013.

Cooke M. Nicht-autoritäre Autorität. Beitrag zu einer kritischen Theorie der Politik / Bohmann U., Sörensen P. (Hrsg.). Berlin : Suhrkamp, 2019.

Europäische Menschenrechtskonvention / J. Meyer-Ladewig, M. Nettesheim, S. Raumer, von (Hrsg.). Baden-Baden : Nomos, 2017. 4. Auflage.

Finnis J. Human Rights and Common Good: Collected Essays. Vol. III. Oxford; New York : Oxford University Press, 2011.

Kallistos Ware, metropolitan. Orthodox Theology in the Twenty-First Century. Geneva, 2012. P. 23–28.

Kritische Theorie der Politik / Bohmann U., Sörensen P. (Hrsg.). Berlin : Suhrkamp, 2019.

McLaughlin C. Suicide-Related Behaviour. Understanding, Caring and Therapeutic Responses. Chichester : John Wiley & Sons, Ltd., 2007.

Paperno I. Suicide As a Cultural Institution in Dostoyevsky's. Russia, Ithaca/London : Cornell University Press, 1997.

Rosa H. Der Irrtum der antagonistischen Sozialontologie. Zur kritischen Theorie demokratischer Resonanz // Kritische Theorie der Politik / Bohmann U., Sörensen P. (Hrsg.). Berlin : Suhrkamp, 2019. S. 213–242.

The Identity of German and Japanese Civil Law in Comparative Perspectives / Ed. Z. Kitagawa, K. Riesenhuber. Berlin; Boston : De Gruyter, 2007.

References

Aristotel'. *Sochineniya: v 4 t. T. 4, pod obshch. red. A. I. Dovatura* [Works in 4 vols., vol. 4, under the general editorship of A. I. Dovatura]. Moscow, Mysl' Publ., 1984.

- Bohmann U., Sörensen P. (Hrsg.). *Kritische Theorie der Politik*. Berlin, Suhrkamp, 2019.
- Cooke M. *Nicht-autoritäre Autorität. Beitrag zu einer kritischen Theorie der Politik / Bohmann U., Sörensen P. (Hrsg.)*. Berlin, Suhrkamp, 2019.
- Finnis J. *Human Rights and Common Good. Collected Essays. Vol. III*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2011.
- Foma Akvinskii. *Summa theologiae. CH. II–II (vopr. 47–122), red. S. I. Eremeeva* [Summa theologiae. P. II–II (quest. 47–122), ed. by S. I. Eremeev]. Kiev, Nika-Tsentr Publ., 2013.
- Iz istorii sozdaniya Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii. Konstitutsionnaya komisiya: stenogrammy, materialy, dokumenty (1990–1993 gg.): v 6 t. / obshch. red. O. G. Rumyantseva* [From the history of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: transcripts, materials, documents (1990–1993): in 6 volumes / general ed. by O. G. Rumyantsev]. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2007–2010.
- Kallistos Ware, metropolitan. *Orthodox Theology in the Twenty-First Century*. Geneva, 2012, p. 23–28.
- Kitagawa Z., Riesenhuber K. (eds). *The Identity of German and Japanese Civil Law in Comparative Perspectives*. Berlin, Boston, De Gruyter, 2007.
- Kovler A. I. [The right to life and “personal autonomy”]. *Mezhdunarodnoe pravosudie* [International Justice], 2015, no. 3 (15), pp. 52–55. (In Russ.)
- Lutsii Annei Seneka. *Nravstvennye pis'ma k Lutsiliyu, red. S. A. Osherova* [Moral Letters to Lucilius, ed. by S. A. Osherov]. Moscow, Nauka Publ., 1977.
- McLaughlin C. *Suicide-Related Behaviour. Understanding, Caring and Therapeutic Responses*. Chichester, John Wiley & Sons, Ltd., 2007.
- Meyer-Ladewig J., Nettesheim M., Raumer S., von (Hrsg.). *Europäische Menschenrechtskonvention*. Baden-Baden, Nomos, 2017. 4. Auflage.
- Paperno I. *Suicide as a Cultural Institution in Dostoyevsky's Russia*. Ithaca/London, Cornell University Press, 1997.
- Platon. *Sochineniya, pod obshch. red. A. F. Loseva i V. F. Asmusa. Fedon. T. 2. Gosudarstvo. T. 3 (1). Zakony. T. 3 (2)* [Works, under the general editorship

of A. F. Losev and V. F. Asmus. Fedon. Vol. 2. The State. Vol. 3 (1). Laws. Vol. 3 (2)]. Moscow, Mysl' Publ., 1970–1972.

Sartr ZH.P. [Existentialism is humanism]. F. Nitsche, Z. Freid, EH. Fromm, A. Kamyu, ZH. P. Sartr. *Sumerki bogov / pod obshch. red. A. A. Yakovleva* [F. Nietzsche, Z. Freud, E. Fromm, A. Camus, J. P. Sartre. Twilight of the gods / under the general editorship of A. A. Yakovlev]. Moscow, 1990, p. 343.

Rosa H. Der Irrtum der antagonistischen Sozialontologie. Zur kritischen Theorie demokratischer Resonanz. *Kritische Theorie der Politik / Bohmann U., Sörensen P. (Hrsg.)*. Berlin, Suhrkamp, 2019, pp. 213–242.

Russo ZH.-ZH. *Ob Obshchestvennom dogovore* [About the Social Contract]. Moscow, Gosudarstvennoe sotsial'no-ehkonomicheskoe izd-vo Publ., 1938.

Voskobitova M. R. [Positive obligations of the state as a guarantee of ensuring human rights and fundamental freedoms]. *Mezhdunarodnoe pravosudie* [International justice], 2011, no. 1, pp. 78–86.